

Журан и сцена
1996. - 27 июня -
4 июля. - 9/6.

— Гия Александрович, в одной из статей я нашел утверждение, будто вы стесняетесь своей “прикладной” музыки, сочинений для театра и кино (“он нарочито иронически относился к этой ветви своей повседневной работы, ре-

Гия КАНЧЕЛИ:

“Динамическая статика”, или Красота не спасает мир

шительно возражая против включения всех этих “мелочей” в список собственных сочинений”). Почему? Кинокомпозитор — достаточно почтенное занятие.

— Не сказал бы, что я стесняюсь своей киномузыки. Только что продемонстрировал дирижеру фактуру из сочинения “Ушел, чтобы не видеть”, возможно, самого трагического из моих созданий. Спросил: какие-то ассоциации вызывает, вспомнилось что-нибудь? Вы будете удивлены, узнав, откуда она происходит. В фильме “Мимино” есть песня, ее одно время играли во всех ресторанах Советского Союза. Если эта фактура, видоизменившись, вошла в сочинение для камерного оркестра — значит для меня нет барьера между филармонической музыкой, музыкой кино и музыкой, написанной к спектаклям Роберта Стурюа. Не всегда помню уже, что в симфонические и камерные сочинения пришло из кино и театра, а что из них попало в фильмы. Все для меня единый творческий процесс. Существенно вот что: в кино я — часть постановочной труппы. Нужно исходить из пожеланий, которые возникают (должны возникнуть!) у режиссера. Когда сочиняю симфонию — я сам себе режиссер, оператор, художник, осветитель, костюмер. И никто не может руководить мною.

— Вы сказали однажды: “Из десятков лент, на которых пришлось работать, запомнилось пять”.

— Нет, не пять. Все фильмы Дanelия, все — Эльдара Шенгелая. “Кавказский пленник” Георгия (Тито) Калатозишвили. По большому счету — эти ленты. Хотя музыка, написанная к другим фильмам, тоже переходила в мои симфонические сочинения. С Ланой Гогоберидзе я три картины сделал.

— Как вам работало с Георгием Дanelия?

— Гия — человек, который, работая, занимается самоистязанием. И окружающих не оставляет в покое. Впервые мы сотрудничали на фильме “Не горюй!” (теперь эта картина — классика). Он был уже известный режиссер, я — начинающий композитор. И вот однажды я его послал. Подальше. Сказал: “Все, вам я музыку писать не буду!”. Он пришел ко мне домой. “Будешь”, — говорит, — и хорошую музыку напишешь.” Он очень мучает, но когда видишь, как Дanelия мучается сам, примиряешься с этим. Главное, чтобы мучения не были заметны в конечном результате. Это и есть творчество.

— В каждом его фильме обязательна тема “Мыла Марусенька белые ноги”. Дanelия не объяснял, откуда она взялась?

— Не объяснял. Но я знаю — это его музыкальный талисман. Жи-

вым талисманом был для него Евгений Леонов. В фильме “Не горюй!” Леонов сыграл всего два малюсеньких эпизода, но Дanelия не мог обойтись без него. “Мыла Марусенька белые ноги” переходит из фильма в фильм. Особенно здорово эту тему он использовал в картине “Слезы капали”.

— Чего Дanelия требует от композитора? Задает настроение, хронометраж?

— Есть знаменитая фраза Глин-

вторил ее на смену, времен года. И оказался прав. Когда я картину посмотрел — согласился: там больше музыки не нужно. Поэтому говорю — в кино главенствует режиссер.

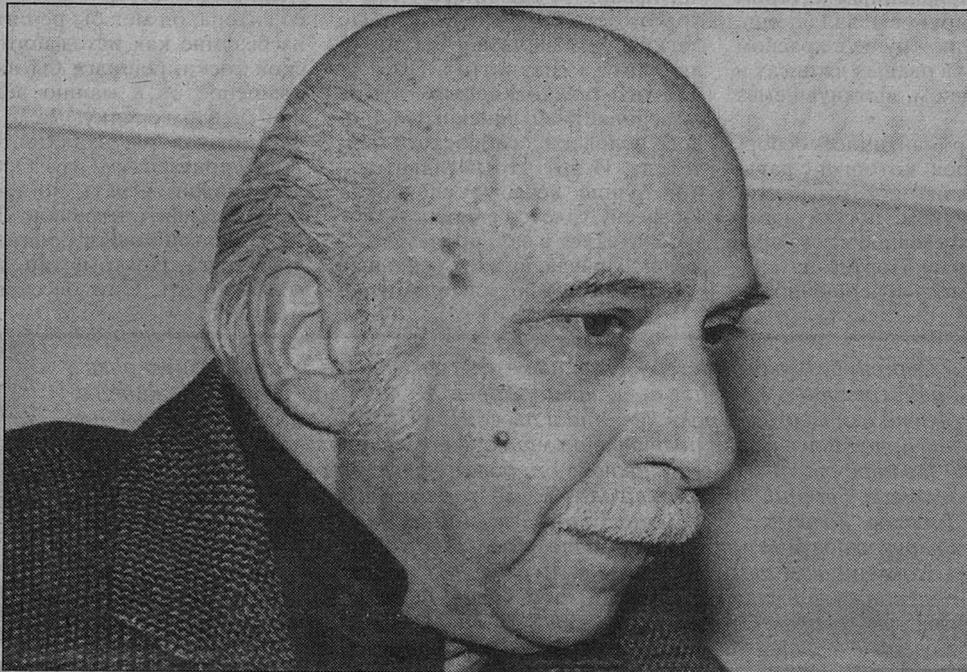
— Не так давно Дanelия позвонил мне в Берлин (он тогда работал над фильмом “Орел или решка”): “Гия, у меня нет возможности пригласить композитора, ты можешь написать музыку бесплатно?” “Могу, конечно, могу!” Я поехал в Москву, посмотрел материал. Он мне говорит: “Симфонический оркестр дорог. Восемь человек, не

ние музыки в какой-то французской картине. Знаю, что аккорд из Литургии (он длится секунд двенадцать) звучит в фильме Годара. Но не знаю, в каком. Так, через записи ЕСМ моя музыка проникает в современные фильмы.

— В числе любимых авторов вы вспоминаете Отара Иоселиани. Почему же вы не работали с ним?

— В картинах Иоселиани преобладают бытовая музыка и шум. Ему нужен не композитор, а человек, организующий эту шумовую партитуру. Я всегда удивляюсь шумам в фильмах Иоселиани. Они

пятнадцать раз смотрел эту “Подводную лодку”. Мне было всего семь лет. Позже появилась трофейная лента “Серенада солнечной долины” с музыкой Гленна Миллера. И кажется мне, музыка Миллера определила мою дальнейшую жизнь. Я подбирал мелодии на рояле, мечтал сделаться джазовым музыкантом, стать пи-

Гия Канчели давно не живет в Тбилиси, редко пишет музыку для спектаклей и кинолент. Игры истории разметали кавказских моцартов и джентльменов по иноземным весям и городам. Канчели уехал в Германию, а недавно обосновался в Бельгии. Трудится неустанно, исполняя заказы разноязыких оркестров и академических звезд. Весной его благородно-трагическая музыка звучала в Екатеринбургe. Местная филармония посвятила замечательному маэстро “именной” фестиваль.

ки: “Народ создает музыку, а мы только ее оркеструем”. Многие сочинено самим Дanelия, я только “одеваю” звуки, привожу их в порядок. В его фильмах музыка, как мне кажется, создает фон. Он по своему музыкальный человек, знает, чего хочет. Пока не добьется — не успокаивается. Дanelия ничего не требует — дубасит пальцем по клавиатуре, берет ноту или две, говорит: “Сочиняй дальше”. Приношу — отвергает: “Что-нибудь другое...” Или выбирает середину темы: “Сюда продолжение пришпандорь, а начало выкинь”. В советские времена государство субсидировало кинопроизводство. Я писал музыку, симфонический оркестр — записывал. Дanelия удивительный, а через пару недель эта музыка уже не годится. Спрашиваю: “Гия, как быть?” А он: “Напишешь другую, еще раз позову оркестр”. Помню однажды мы потратили на запись музыки четырнадцать полных смен. Такое было обилие материала. А в фильм подало... Для Эльдара Шенгелая к “Голубым горам”, чтобы получить полный гонорар, я написал тридцать две минуты музыки. Режиссеру она нравилась, а в фильм вошло всего две с половиной минуты. Он взял простую тему, по-

больше”. Спрашиваю: “А если тебе моя музыка не понравится, придется еще раз приглашать этих восьмерых?” “Не могу, нравится мне это, или не нравится”, — отвечает. Вот — жизнь, новые обстоятельства!

— Есть ли заказы от новых земляков — западных режиссеров?

— Нет. А были бы — не взялся. В моем возрасте трудно сработаться с новыми людьми. Гия Дanelия имеет право надо мной измываться. И я на это иду — я очень его люблю. Эльдар Шенгелая имеет право, Роберт Стурюа — хотя он этого никогда не делает. Скорее — наоборот! Кроме того, изменилось время, фильм теперь дружок, музыка к ним иная нужна. Если бы, как в молодости, надо было добывать кусок хлеба, согласился бы, пожалуй. Были годы, когда я не отказывался ни от чего. Сейчас в этом нет нужды. У меня столько работы...

— Я сотрудничаю с абсолютно гениальной личностью — Манфредом Айхертом, продюсером фирмы ЕСМ. Он выпускает записи Кита Джарета, Арво Пярта, Яна Гарбарекка, дружит с Годаром и Ангелополусом. На его фирме вышло четыре моих диска. Недавно я получил авторские за использова-

заменяют музыку, они сами — музыка, они работают на драматургию картины.

— Вам случается видеться в Европе?

— Мы живем в разных странах и общения не получается. На мои парижские концерты он не пришел. То ли был занят, то ли — в отъезде. Случайно мы встретились в Тбилиси. Обрадовались друг другу. Отар вытащил из кармана клавиш. Рассказывал, что должен здесь снять эпизод и записать музыку для нового фильма: “Это мне один француз сочинил, нужно еще сделать оркестровые партии. Продиржировать попросил Джансуга Кахидзе”.

— Джансуг Кахидзе запечатлен в фильме “Жил певчий дрозд”, а вам не приходило появляться в кадре?

— Нет. Мне не приходилось. В “Певчем дрозде” — Кахидзе, Роберт Стурюа...

— Какие фильмы вы любили в детстве?

— Шла война. Кино должно было поднимать дух народа, внушать надежду, что мы победим. Был такой фильм “Подводная лодка Т-9”. Его показывали в кинотеатре “Хроника”, в крохотном зале на тридцать пять — сорок мест. И я

нистом, работать в оркестре или руководить малым ансамблем. За полуманную, скрепленную иглами, пластинку Цфасмана (он играл фантазию из “Серенады солнечной долины”) я отдал все пластинки, привезенные дядей в тридцатые годы из США. Я был увлечен этой музыкой, с ума сходил. Мне было двенадцать. Когда рассказываю об этом американским репортерам или музыковедам, те округляют глаза. Они не знают этого фильма. Согласен, ничего выдающегося в “Серенаде солнечной долины” нет. Но ведь там впервые прозвучала “Чаттануга чу-чу”! Вот самые яркие детские и юношеские впечатления. Первое связано с войной, второе — с музыкой.

— Ваши симфонические сочинения, хоть и строятся на контрастах, подобны скорее пульсирующему полю, нежели однонаправленному вектору прогресса...

— Воде, которая будто бы пребывает в покое, а на самом деле движется, течет незаметно. Луиджи Ноно написал об одной из моих симфоний: “Динамическая статика”. С тех пор определение ко мне приклеилось. Обернусь спиной, а там — ярлык: “динамическая статика”.

— Но вы же прекрасный мелодист!

— “Мелодист” — тот, чьи мелодии завоевывают мир. Легран, Лей, Гершвин, Эллингтон, тот же Миллер. Ни одна их моих тем не покорила мира. И я преклоняюсь перед теми, кому это удалось. (У Эннио Мориконе есть номер, который вызывает у меня те же чувства, что и самая лучшая музыка Чайковского.) Не утверждаю, что мои симфонические сочинения “покорили мир”, но они много исполняются в Европе и Америке. Я могу “претендовать” (не забудьте поставить кавычки!) на какое-то место в большом списке современных композиторов (какое именно, станет ясно лет через пятьдесят — сто). Но едва ли как автор музыки к фильмам.

В шестидесятые годы, когда “Свингл сингерс” сделали модными темы Баха, молодежь на улицах насвистывала их. Но оттого, что люди мурлыкали Баха, они не стали другими, не поменялась их судьба. Фраза Достоевского: “Красота спасет мир” дразнит меня вопросительным знаком. Все повторяется в истории человечества: ни музыка Баха, ни самая гениальная живопись, ни сила поэзии не останавливают кровопролитий. Увы, красота искусства — не то, что изменяет мир...

Беседовал
Сергей АНАШКИН.

Фото Станислава САВИНА.